

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайжан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атадаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. В. Поляков, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство Алтайского госуниверситета, 2022

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altay State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph.D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabiako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

A. V. Polaykov doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and
Technical Council of Altai State University. All rights
reserved. No publication in whole or in part may
be reproduced without the written permission
of the authors or the publisher. Registered with
the RF Committee on Printing. Registration
certificate PI № ФС 77-78911. Registration date
07.08.2020 г.*

Editorial office address: 656049, Altai region,
Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state
University, Department of regional studies of
Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ
2022 Том 27, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Иванов С. С.</i> Сакская культура Алая (юго-западная часть Киргизии).....	7
<i>Идэрхангай Т.-О., Серегин Н. Н.</i> Тюркские оградки комплекса Устийн ам (Центральная Монголия).....	28
<i>Марсадолов Л. С.</i> Астростелы — указатели сакральных путей на древнем святилище Туру-Алты на Алтае.....	39
<i>Савельева А. С.</i> Состав металла инвентаря из погребения подгорновского этапа тагарской культуры могильника Косоколь II в северной лесостепи (по материалам раскопок А. И. Мартынова 1985 г.)	72
<i>Трапезов Р. О., Пилипенко А. С., Черданцев С. В., Томилин М. А., Пилипенко И. В., Журавлев А. А., Пристяжнюк М. С., Демин М. А., Савко И. А., Папин Д. В.</i> Первые результаты палеогенетического исследования носителей андроновской (федоровской) культуры из могильников Чекановский лог-2, 10	87

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Тишин В. В.</i> Понятие qut в памятниках древнетюркской рунической письменности: ревизия трактовок	105
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н.</i> Социологическое изучение образа России в представлениях населения Западной и Центральной Монголии.....	121

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кубаев С. Ш.</i> О некоторых элементах храмов Средней Азии	136
<i>Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.</i> Социальная и культурно-просветительская деятельность религиозных организаций в Западной Сибири в конце XX в. (по материалам Новосибирской области)	147
<i>Недзельюк Т. Г.</i> «Полковые священники» неправославных исповеданий в Российской империи (на примере сибирского региона)	166

ДЛЯ АВТОРОВ	177
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2022 Vol. 27, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Ivanov S. S.</i> Saka culture of Alai (south-western Kyrgyzstan).....	7
<i>Iderkhangai T.-O., Seregin N. N.</i> Turkic enclosures of the Ustiin am complex (Central Mongolia).....	28
<i>Marsadolov L. S.</i> Astrostels-indicators of sacred ways at ancient sanctuary Turu-Alty on Altai.....	39
<i>Savel'eva A. S.</i> Metal composition of inventory from the grave of the podgornovsky stage of the tagar culture of the Kosogol II burial ground in the northern forest- steppe (according to the materials of excavations by A. I. Martynov in 1985)	72
<i>Trapezov R. O., Pilipenko A. S., Cherdantsev S. V., Tomilin M. A., Pilipenko I. V., Zhuravlev A. A., Priestyazhnyuk M. S., Demin M. A., Savko I. A., Papin D. V.</i> The first results of the paleogenetic investigation of andronovskaya (fedorovskaya) culture burials from site Chekanovskiy log-2, 10	87

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Tishin V. V.</i> A term cut in the monuments of old turkic runic writing revisited.....	105
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., [Cedav N.]</i> Sociological study of the image of Russia in the population's representations of western and central Mongolia	121

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Kubaev S. Sh.</i> About some elements of the temples of Central Asia	136
<i>Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S.</i> Social and cultural and educational activities of religious organizations in Western Siberia at the end of the XX century (based on the materials of the Novosibirsk region)	147
<i>Nedzelyuk T. G.</i> "Regimental priests" of non-orthodox confessions in the Russian empire (on the example of the Siberian region).....	166

FOR AUTHORS	177
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903'15

DOI: 10.14258/nreur (2022) 2–01

С. С. Иванов

Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек (Киргизия)

САКСКАЯ КУЛЬТУРА АЛАЯ (ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ КИРГИЗИИ)

Статья посвящена проблеме выделения особой археологической культуры саков Алая эпохи раннего железного века, занимавшей особое место среди кочевых и скотоводческих культур этого периода в Средней Азии. Основной территорией ее распространения были горные районы Алая, а также приграничные районы юго-западного Синьцзяна и восточной части Каратегина. Кроме того, значительную культурную близость имеют некоторые памятники западных районов Ферганской долины. Сакская культура Алая представлена преимущественно погребальными памятниками, основная часть которых относится к VI–III вв. до н. э. Процесс формирования этой археологической культуры был достаточно сложный, основную роль в ней сыграла мощная миграционная волна, шедшая через Тянь-Шань и Фергану на запад из Восточного Казахстана на рубеже VIII и VII вв. до н. э., а также в меньшей мере местное население, связанное своим происхождением с чувской культурой эпохи поздней бронзы. Окончательно сакская культура Алая формируется не ранее начала VI в. до н. э. Ее носители имели тесные культурные и этногенетические связи с соседним населением эйлатано-актамской культуры Ферганы, саками Памира и ранними кочевниками Синьцзяна.

Ключевые слова: Средняя Азия, ранний железный век, сакская культура Алая, культурные взаимосвязи.

Цитирование статьи:

Иванов С. С. Сакская культура Алая (юго-западная часть Киргизии) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 7–27. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–01.

S. S. Ivanov

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

SAKA CULTURE OF ALAI (SOUTH-WESTERN KYRGYZSTAN)

The article is devoted to the problem of identifying a special archaeological culture of the Saka of Alai region in the Early Iron Age. This culture had a special place among the nomadic and pastoral cultures of this period in Central Asia. It was generally occupied mountainous regions of Alai, as well as the border areas of Xinjiang and Karategin. Besides, some monuments of the western part of the Fergana valley had a significant cultural proximity. The Saka culture of Alai is represented mainly by burial sites, the main part of which belongs to the VI–III centuries BC. The process of formation of this archaeological culture was complex. The general role in this was played by a big migration wave, which came from Eastern Kazakhstan to the west direction through the territories of Tien Shan and Fergana at the turn of the VIII and VII centuries BC. The local population associated with the Chust culture of the Late Bronze Age played a lesser role in this process of its formation. Finally, the Saka culture of Alai was formed not earlier than the beginning of the VI century BC. Its population had close cultural and ethnogenetic interactions with the neighboring population of the Eilatan-Aktam culture of Fergana, the Saka tribes of the Pamirs and the ancient nomads of Xinjiang.

Keywords: Central Asia, Early Iron Age, Saka culture of Alai region, cultural interactions.

For citation:

Ivanov S. S. Saka culture of Alai (south-western Kyrgyzstan). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 2. P. 7–27. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–01.

Иванов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Киргизского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек (Киргизия). Адрес для контактов: sak@yandex.ru. Orcid ID: 0000–0002–4081–3749.

Ivanov Sergei, candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan). **Contact address:** sak@yandex.ru. Orcid ID: 0000–0002–4081–3749.

Введение

Археологические памятники I тыс. до н. э. Алайской долины (Чон-Алая, или Большого Алая) и прилегающего к ней с севера горного массива Кичи-Алая (Малого Алая) вплоть до настоящего времени изучены сравнительно слабо. Основная их часть представлена погребальными памятниками. Хотя, по-видимому, параллельно с ними существовали также небольшие оседлые поселения, которые, впрочем, были напрямую

связаны с тем же населением, что оставило и курганные могильники. На это указывает то, что А. Н. Бернштамом было обследовано поселение Кызыл-Курган, материалы которого были в целом синхронны материалам из погребений [Бернштам, 1952: 193–197].

Всего к настоящему времени на Алае изучено порядка 145 курганных захоронений¹ [Бернштам, 1952: 193–200; Заднепровский, 1960: 68–84; 1962: 155–158; Баруздин, 1962; Абетеков, 1968]. Но они, к сожалению, по ряду объективных причин получили далеко не полное отражение в научной литературе [Ташбаева, 2011: 121–136].

Это обстоятельство во многом затрудняет культурную и отчасти — точную хронологическую атрибуцию этих погребальных памятников. Исследователями в основном отмечались определенные сходства и отличия погребального обряда и материальной культуры ранних кочевников Алая и соседних Ферганской долины, Восточного Памира и Тянь-Шаня. Однако вопрос культурной дефиниции сакских памятников Алая не поднимался, хотя еще в 80-е гг. прошлого века Ю. А. Заднепровский отмечал, что можно в целом разграничить их с синхронными памятниками соседних районов [Заднепровский, 1992: 89]. К. И. Ташбаева в это же период предлагала выделить сакские погребения Алая в отдельный локальный вариант единой культурной общности ранних кочевников Кыргызстана [Ташбаева, 2011: 146, 170–171]. Но едва ли можно принять эту точку зрения, так как в культурном плане погребальные памятники саков Алая демонстрируют заметные культурные отличия от сакской культуры Притяньшанья и эйлано-актамской культуры Ферганы (см. рис. 1).

Это позволяет поставить вопрос о выделении отдельной культуры сакского (скифского) периода на территории Алая.

---

¹ По другим данным здесь было исследовано более 200 захоронений сакского периода [Заднепровский, 1992: 89]. Кроме того, нами учитываются результаты последних раскопок в Алайской долине в 2017–2018 гг. под руководством Т. Т. Чаргынова и О. А. Солтобаева, в ходе которых было исследовано не менее 25 курганов сакского периода.

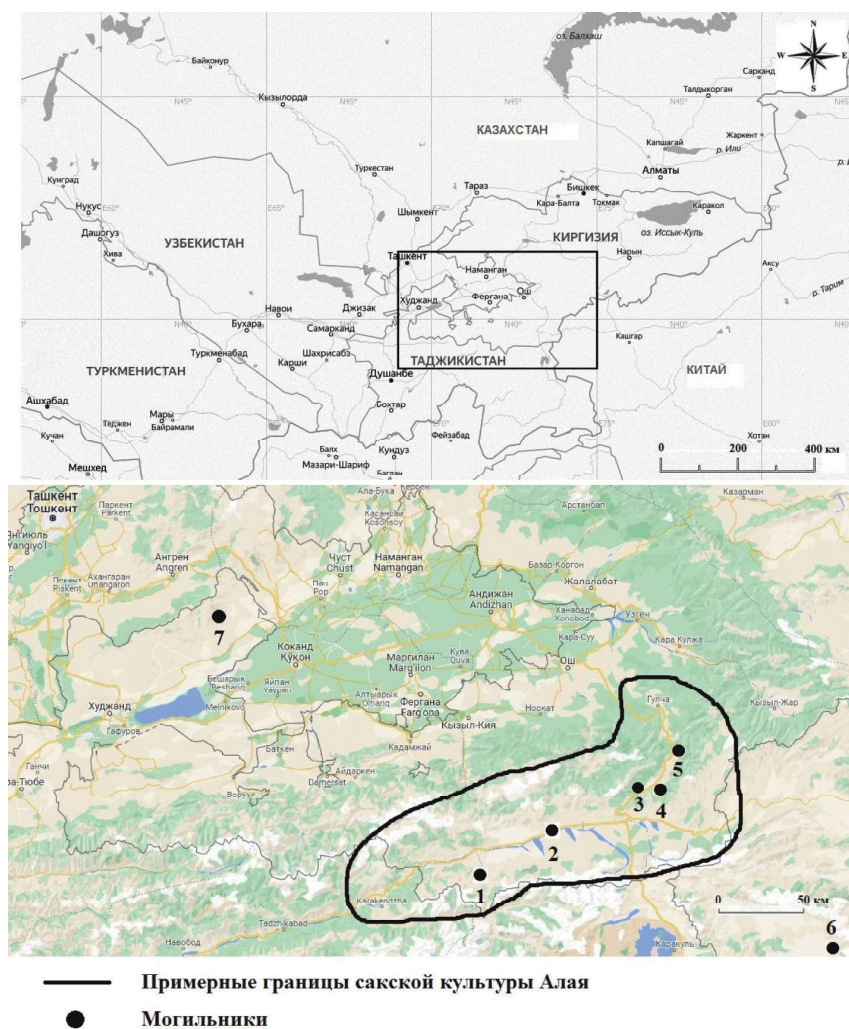

Рис. 1. Границы сакской культуры Алая и основные ее погребальные памятники — могилы:
1 — Кара-Швак; 2 — Кургак; 3 — Чагыр; 4 — Шарт I; 5 — Чакмак; 6 — Джирзанкал; 7 — Дашти-Ашт

Fig 1. The boundaries of Saka culture of Alai and its general funeral sites. 1 — Kara-Shvak;
2 — Kurgak; 3 — Chagyr; 4 — Shart I; 5 — Chakmak; 6 — Jirzankal; 7 — Dashti-Asht

Общая характеристика погребальных памятников сакской культуры Алая

Погребальные памятники рассматриваемого периода располагаются на террасах рек бессистемными группами или цепочками по линии север — юг, реже запад — восток, но практически всегда с заметными отклонениями (см. рис. 2).

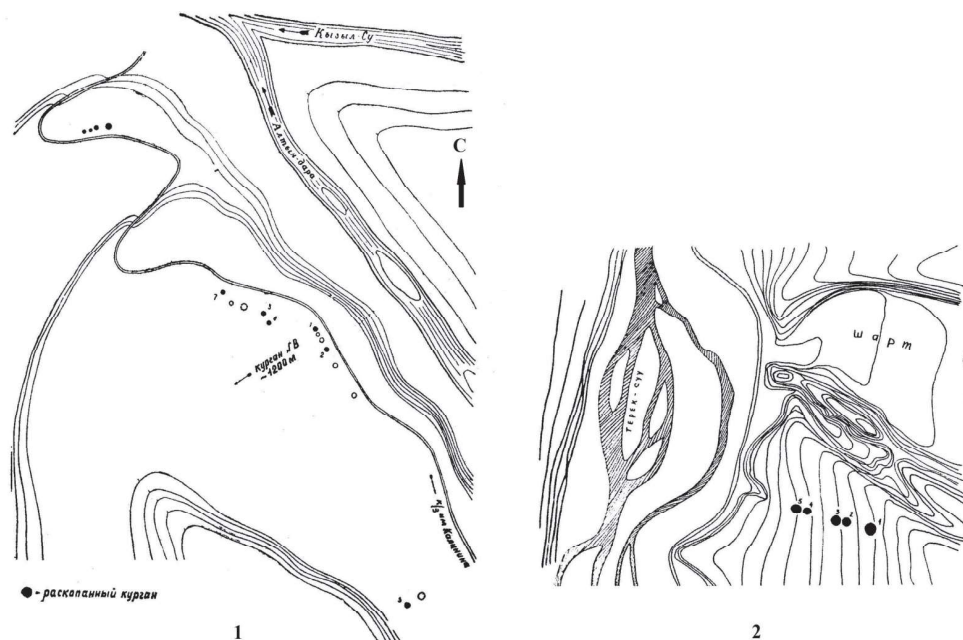

Рис. 2. Планы могильников сакской культуры Алая: 1-Шарт (по Ташбаева, 2011);
2-Кара-Швак [Заднепровский, 1960]
Fig 2. Maps of burial grounds of Saka culture of Alai. 1 – Shart (after Tashbaeva, 2011);
2 – Kara-Shvak [Zadneprovskiy, 1960]

Погребальные объекты представлены на них небольшими каменными и каменно-земляными курганами и выкладками округлой, овальной и редко — квадратной формы. Диаметр их достигает в основном 7–8 м, а высота колеблется преимущественно в пределах 0,2–0,5 м. В основании большей части из них фиксируется каменное кольцо, а на некоторых курганах в центре отмечены овальные или прямоугольные выкладки, располагавшиеся непосредственно над могильными ямами.

Захоронения в погребальных памятниках совершались:

- в грунтовых ямах, в них было совершено почти 60% всех погребений;
- каменных ящичках, на них приходится чуть более 25%;
- на уровне древней поверхности, составляют немногим более 15%.

Могильные ямы в основном имеют овальную или подпрямоугольную форму, погребения в них совершены на сравнительно небольшой глубине, редко достигающей отметки 1,2–1,4 м. Они имели разную ширину, в зависимости от количества погребенных людей. Достаточно часто по краю могильных ям имелись обкладки из одного-двух уровней камней. Остатки деревянных перекрытий фиксировались над ними редко.

Каменные ящички были в основном сложены из массивных плит или крупных камней, не всегда имели перекрытие. Преимущественно они были опущены в грунт или же незначительно заглублены, а иногда возведены на уровне древней поверхности. По размерам каменные ящички несколько просторнее, чем грунтовые могилы. Кроме того, в не-

которых случаях также отмечены ямы, обложенные камнями, которые, по-видимому, имитировали каменные ящики.

Согласно данным последних исследований захоронения на уровне дневной поверхности совершались в кольцевых склепоподобных конструкциях из камня, которые после обрушения приобретали вид каменных курганов¹. Впрочем, какая-то часть данных захоронений была, видимо, совершена под обычными курганными насыпями.

Но, несмотря на существование всех трех типов погребальной обрядности, они существовали здесь одновременно. Это подтверждается тем, что в нескольких случаях захоронения встречаются под одной курганной насыпью [Баруздин, 1962: 27; Ташбаева, 2011: 127–128].

Характерной особенностью погребальных памятников Алая в сакский период является то, что в них отмечаются как одиночные захоронения, так и коллективные. Последние были зафиксированы в немногим более 35% от общего количества исследованных курганов. Количество погребенных людей в них варьирует от двух до шести, но чаще всего — два-три человека. Причем они могли быть уложены как на одном уровне, так и ярусами. Также нередко отмечается наличие впускных захоронений.

Большая часть погребенных была захоронена в вытянутом положении на спине, иногда со слегка согнутыми ногами. В нескольких случаях были зафиксированы также скорченные захоронения, т. е. на боку с подогнутыми ногами и руками. При этом абсолютно доминирует их ориентация головой в западный сектор, иногда с заметными отклонениями от данного направления (чаще всего на юго-запад). Гораздо реже встречается ориентация умершего головой на юг и в отдельных случаях в другие секторы (см. рис. 3).

Сопроводительный инвентарь в погребениях саков Алая достаточно малочисленный и по большей части маловыразительный, представлен преимущественно керамической посудой (см. рис. 4). Гораздо реже встречаются другие категории предметов материальной культуры: предметы вооружения и воинского снаряжения (бронзовые наконечники стрел, железные кинжалы, колчаные крючки), украшения (серьги, браслеты, шпильки, кольца, бусы), зеркала, сурьматаши², бытовая утварь (ножи, оселки, прясла и др.) (см. рис. 5).

В погребениях, как индивидуальных, так и коллективных, обычно были помещены один-два керамических сосуда с заупокойной пищей. Располагались они, как правило, у изголовья покойного. Остальные предметы сопроводительного инвентаря помещались в погребения согласно их утилитарному назначению.

¹ При внимательном ознакомлении с отчетами раскопок Ю. А. Баруздина и А. К. Абетекова можно встретить упоминания об отдельных деталях строения насыпи, которые наводят на подобное заключение. Это также частично подтверждается недавними результатами археологических исследований на Алае.

² Косметические палочки из сурьмы для подведения бровей и пр.

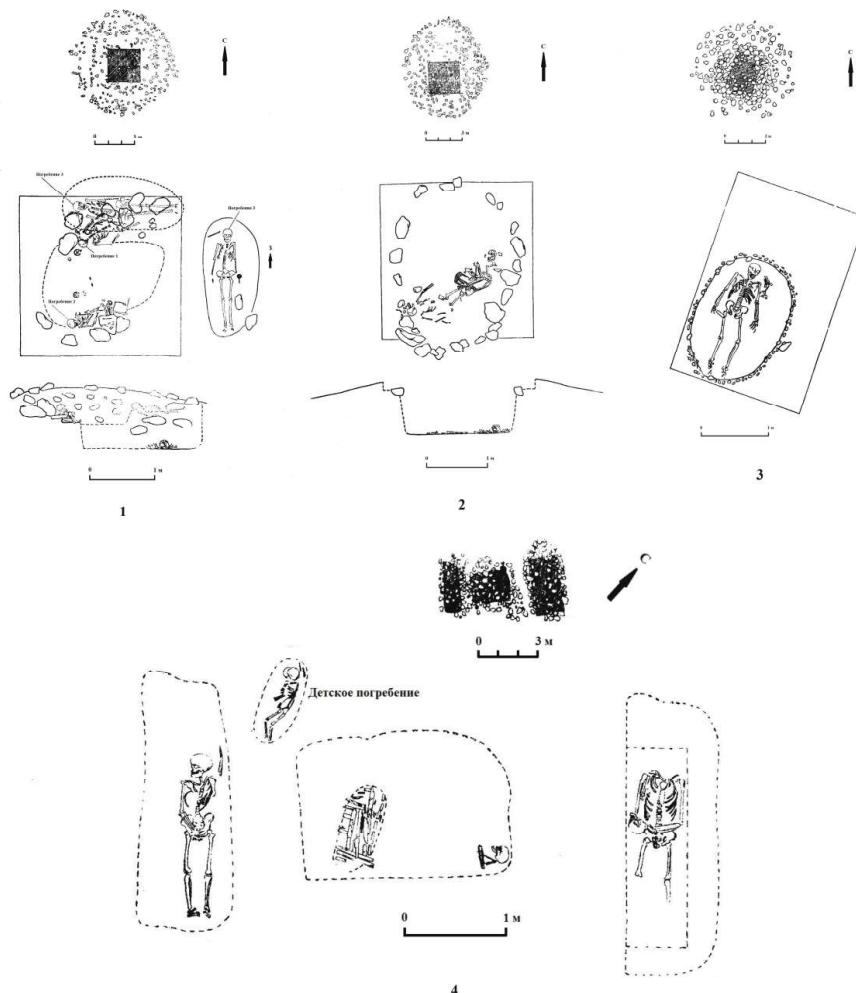

Рис. 3. Типы погребений саков Алая. Общие планы и погребения курганов: 1 – могила Кара-Швак, курган 7; 2 – могила Кара-Швак, курган 8; 3 – могила Чак, курган 20; 4 – могила Чак, курганы 28, 29, 30 [Заднепровский, 1960]

Fig 3. Types of burials of Alai Saka. The general plans and burial mounds: 1 – Kara-Shvak, burial 7; 2 – Kara-Shvak, burial 8; 3 – Chak, burial 8; 4 – Chak, burial 28, 29, 30 [Zadneprovskiy, 1960]

Хронологические границы культуры

По своим основным особенностям и сопроводительному инвентарю погребальные памятники саков Алая в целом могут быть датированы в хронологических рамках не ранее VI в. и не позднее II в. до н. э.

Однако наличие нескольких типов погребальной обрядности наводило первых исследователей на предположение о том, что захоронения не синхронны. Так, погребения в грунтовых могильных ямах датировались ими в рамках V–III вв. до н. э. [Задне-

провский, 1960: 82–84; Баруздин, 1962: 26]. Впрочем, Ю. Д. Баруздин полагал, что захоронения в каменных ящиках могут быть датированы III–I вв. до н. э., но при этом отмечал единство их погребальной обрядности с захоронениями в грунтовых могилах [Баруздин, 1962: 27]. Однако К. И. Ташбаева на основе анализа погребальных обрядов и инвентаря пришла к выводу о том, что каменные ящики хронологически синхронны грунтовым могилам и захоронениям на древней поверхности [Ташбаева, 2011: 143–145].

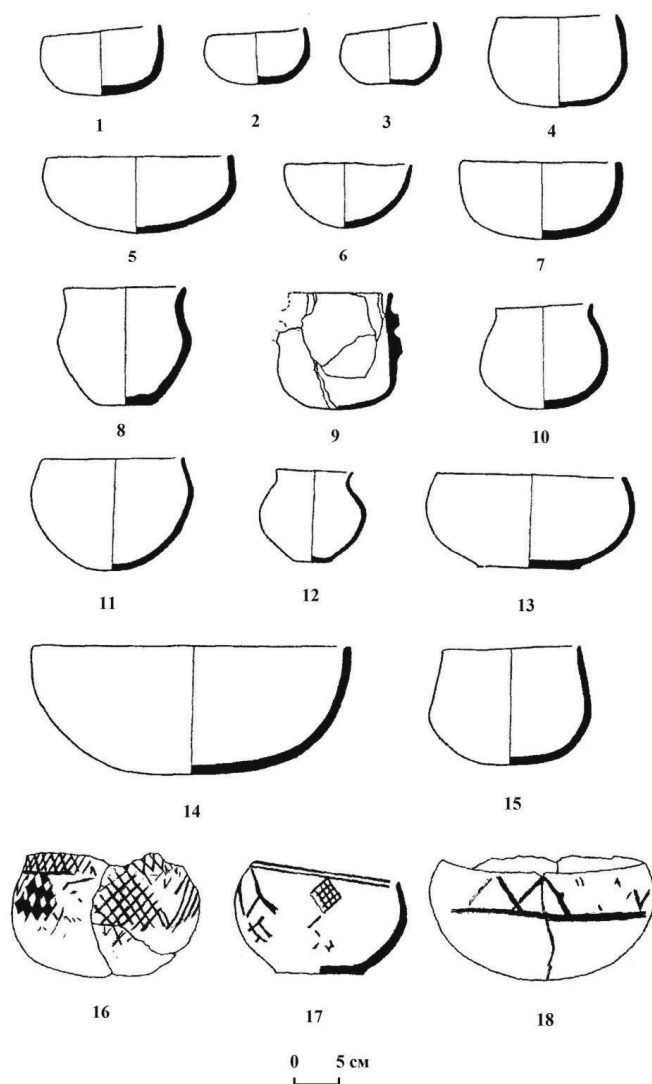

Рис. 4. Основные типы керамической посуды саков Алая:
 1–15 – неорнаментированная посуда; 16–18 – расписная посуда [Ташбаева, 2011]
 Fig 4. The general types of ceramic pottery of Alai Saka: 1–15 – unpainted pots;
 16–18 – painted pots. [Tashbaeva, 2011]

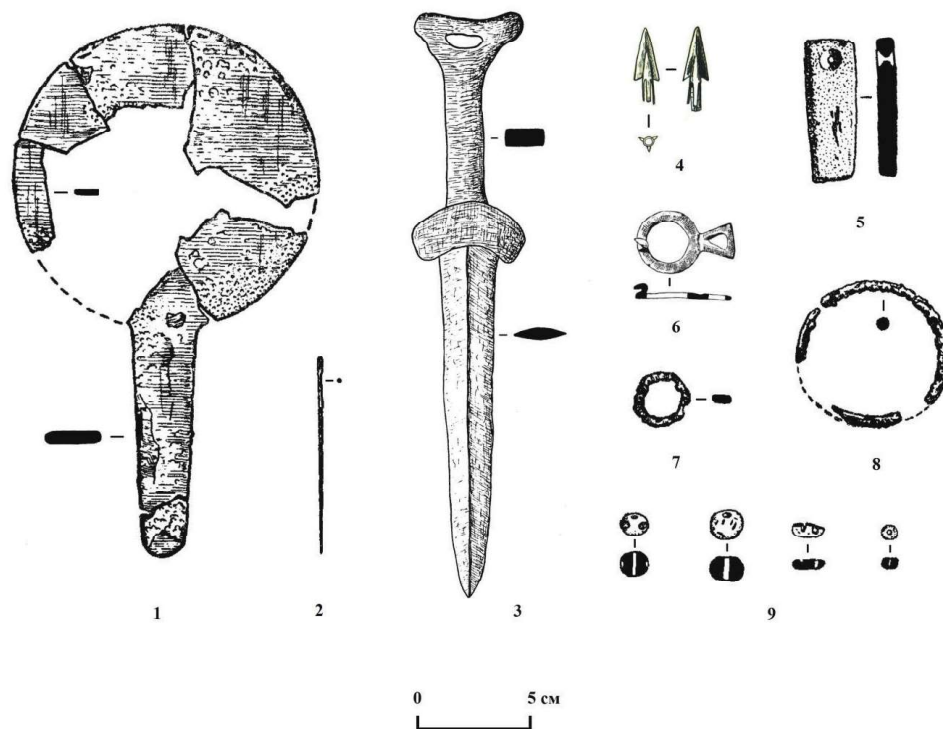

Рис. 5. Предметный комплекс сакской культуры Алая: 1 – бронзовое зеркало, могила Кара-Швак, курган 7; 2 – бронзовое шило, могила Кара-Швак, курган 7; 3 – железный кинжал, могила Чагыр, курган 3; 4 – бронзовый наконечник стрелы, могила Шарт I, курган 1; 5 – каменный оселок, могила Кара-Швак, курган 7; 6 – бронзовая пряжка со шпеньком, могила Чакмак, курган 1 (?); 7 – железное колечко, могила Кара-Швак, курган 8; 8 – железный браслет, могила Кара-Швак, курган 2; 9 – каменные бусы, могила Кара-Швак, курган 8. (1, 2, 5, 7–9 – см. [Заднепровский, 1960]; 3 – см. [Ташбаева, 2011]; 6 – см. [Бернштам, 1952])
 Fig 5. The inventory complex of Saka culture of Alai: 1 – bronze mirror, Kara-Shvak, burial 7; 2 – bronze awl, Kara-Shvak, burial 7; 3 – iron dagger, Chagyr, burial 3; 4 – bronze arrowhead, Shart I, burial 1; 5 – whetstone, Kara-Shvak, burial 7; 6 – bronze buckle with a pin, Chakmak, burial 1 (?); 7 – iron ring, Kara-Shvak, burial 8; 8 – iron bracelet, Kara-Shvak, burial 2; 9 – stone beads, Kara-Shvak, burial 8. (1, 2, 5, 7–9 – [Zadneprovskiy, 1960]; 3 – [Tashbaeva, 2011]; 6 – [Bernshtam, 1952])

Затрудняет более детальную хронологическую атрибуцию и очень ограниченный набор предметов материальной культуры, представленный преимущественно керамической посудой и отдельными находками оружия, украшений и предметов туалета, бытовой утвари.

Самая многочисленная категория сопроводительного инвентаря — керамическая посуда, представленная преимущественно лепными сосудами и заметно реже — станковыми (рис. 4). Большая ее часть покрыта характерным светлым ангобом, находящим

полные аналогии в материалах эйлатано-актамской культуры Ферганской долины VI–IV вв. до н. э. [Заднепровский, 1990: 93]. Это дает основания датировать значительную часть погребальных памятников сакской культуры Алая этим же периодом. Также эта датировка полностью подтверждается тем фактом, что небольшая часть алайской посуды орнаментирована ромбами и треугольниками, выполненными красной и фиолетовой краской (рис. 4.-16–18). Подобные мотивы декора керамики находят полные аналогии в ферганских материалах указанного периода [Ташбаева, 2011: 132–133, 136].

В то же время заметная часть керамической посуды из погребений Алая по форме, внешнему виду и технике изготовления находит достаточно близкие аналогии в памятниках сакских культур Памира и Притяньшанья V–III вв. до н. э. [Заднепровский, 1960: 80, 81, 84; Ташбаева, 2011: 136].

Другие категории сопроводительного инвентаря из сакских погребений Алая в целом подтверждают данную датировку. Так, бронзовые наконечники стрел, основная часть из которых принадлежит к специфическому зажимному типу, хронологически укладываются в VI–III вв. до н. э. [Иванов, 2007: 64–66] (рис. 5.-4). Два железных кинжала (мог. Чагыр, к. 3, Кургак, к. 4) находят аналогии среди раннесарматского клинкового оружия и могут быть датированы IV–III вв. до н. э. [Ташбаева, 2011: 133, рис. 61, 1; Кисель, Торгоев, Жумабаев, 2019: 264–265] (рис. 5.-3). Бронзовую пряжку со шпеньком из могильника Чакмак А. Н. Бернштам вполне обоснованно отнес к VI–V вв. до н. э. [Бернштам, 1952: 193, 204–205, рис. 77, 1] (рис. 5.-6). А единственное опубликованное бронзовое зеркало с боковой рукоятью из кургана 7 могильника Кара-Швак было датировано Ю. А. Заднепровским V–III вв. до н. э. [Заднепровский, 1960: 82–83, рис. 42.-2] (рис. 5.-1).

Остальные предметы сопроводительного инвентаря из погребальных памятников сакской культуры Алая также не выходят за пределы VI–III вв. до н. э.

Локальные особенности и культурные связи

Наличие различных типов погребальной обрядности — захоронения в грунтовых могильных ямах, каменных ящиках и на древней поверхности, казалось, может свидетельствовать о культурных различиях населения Алая в сакский период. Впрочем, для целого ряда кочевнических культур раннего железного века было характерно сочетание нескольких вариантов погребальной обрядности, что, вероятнее всего, было связано с изначальной многокомпонентностью их сложения. Но существенное сходство заупокойных традиций во всех типах погребений указывает на то, что мы имеем дело с единой культурой, а их наличие отражает лишь ее локальную специфику.

Действительно, в территориальном распределении некоторых типов погребальной обрядности имеются некоторые особенности. Так, захоронения в каменных ящиках более всего характерны для восточной части Алайской долины. Но при этом, как отмечалось выше, они встречаются на одних и тех же могильниках, где погребения совершены в грунтовых могильных ямах. А немногочисленные захоронения на уровне древней поверхности распространены дисперсно по всей территории, занятой культурой саков Алая [Ташбаева, 2011: 127–128].

По мнению К. И. Ташбаевой, подобное разнообразие погребальной обрядности на Алае в пределах одного хронологического периода можно объяснить тем, что данный район, особенно очень благоприятная для скотоводства высокогорная Алайская

долина (Чон-Алай), использовался в качестве общего пастбища для обитателей соседних территорий [Ташбаева, 2011: 170–171]. Но вряд ли можно объяснить этот феномен подобным образом, так как курганные захоронения, совершенные по какой-либо одной разновидности погребальной обрядности, не концентрируются в отдельных районах Алая или же на сопредельных территориях. Поэтому видеть в особенностях устройства внутримогильных конструкций принадлежность к какой-либо этнокультурной (племенной) группе в данном случае сложно.

Фактически же все три вариации погребальной обрядности очень близки друг другу при детальном рассмотрении. Так, захоронения на уровне древней поверхности или слегка заглубленных ямах в каменных склепообразных сооружениях по ряду конструктивных особенностей приближаются к захоронениям в каменных ящиках, с тем лишь различием, что в одном случае подкурганная конструкция сооружалась из плит, а в другом — камней. В свою очередь как переходный тип от каменных ящиков к обычным грунтовым ямам следует рассматривать захоронения, в которых стенки могильных ям обкладывались камнями. Это еще раз показывает их однокультурность и, вероятнее всего, общие истоки.

Все это позволяет рассматривать сакскую культуру Алая как единую культуру, а некоторые различия в погребальной обрядности и их распределении территориально являются локальной спецификой данной культуры.

Впрочем, несмотря на то, что сакские племена Алая занимали высокогорные районы, они не были изолированы от соседних племенных групп. Более того, есть все основания утверждать, что они входили в обширное племенное образование, занимавшее всю горную часть юго-востока Средней Азии, а также некоторые сопредельные районы Афганистана, Индии и Синьцзяна. Данное обширное этнополитическое объединение известно нам под именем саков-хаумаварга в древнеперсидских надписях [Иванов, 2018: 9–11]. Этим можно объяснить достаточно тесные взаимосвязи саков Алая с населением соседних районов.

По этой причине сакские захоронения Алая находят яркие культурные аналогии в прилегающей части Синьцзяна. Очень близкие по характеру погребального обряда курганные захоронения имеются в Восточном Припамирье, в частности, в могильнике Джирзанкал (Jirzankal), расположенном севернее города Ташкуртан, который относится к культуре сямбаобао, занимавшей Восточное Припамирье (юго-западная часть Синьцзяна). Здесь также отмечены коллективные погребения в грунтовых могилах, совершенные под невысокими каменно-земляными курганами, по краю которых шло каменное кольцо. Погребения содержали от двух до пяти скелетов, причем чаще всего в них фиксировалось по три костяка. Единственным их отличием от сакских погребений Алая было то, что в нескольких случаях к могилам в Джирзанкале примыкал короткий, слабо углубленный дромос.

Погребальный инвентарь находит практически полное соответствие в сакских курганах Алая. Данные радиоуглеродного анализа показали, что исследованные захоронения могильника Джирзанкал укладываются в хронологические рамки VI–III вв. до н. э. [Wu Xinhua, Tang Zihua, 2016: 37–39, fig. 35]. Интересно, что находящийся южнее, ближе к Ташкуртану эталонный могильник данной культуры — Сянбаобао (Ташкуртан),

по особенностям погребальной обрядности и сопроводительному инвентарю ближай-
шие параллели находят в сакских погребальных памятниках Восточного Памира [Чэнь
Гэ, 1990: 159–175; Погребова, Раевский, 1988: 176–182].

Если аналогии погребальным памятникам с коллективными захоронениями извест-
ны к востоку от Алая, то очень близкие курганы с каменными ящиками были открыты
к западу от него — в сопредельной части Каратегина, вдоль реки Сурхоб¹. Единствен-
ным их отличием от алайских является то, что они содержали во всех случаях по од-
ному погребенному. К сожалению, эти погребения были полностью разграблены и со-
держали только обломки лепной керамической посуды и железный нож. На основе
этого они были датированы А. М. Мандельштамом последними веками до нашей эры
[Мандельштам, 1960: 76–79]. Однако столь близкое сходство подобных памятников
Алая и Каратегина ставит вопрос об их хронологической синхронности в обоих райо-
нах. Хотя при этом нельзя исключать, что алайские саки могли продвинуться на запад,
вдоль течения Кызыл-Суу (Сурхоб) несколько позднее возникновения традиции по-
гребения в каменных ящиках на востоке Алайской долины. Но так или иначе подобные
сооружения здесь и в Каратегине, безусловно, относятся к единому культурному кругу.

Кроме того, ряд культурных особенностей, отмеченных в сакских курганах Алая, на-
ходит параллели в синхронных погребениях Восточного Памира. Это в первую очередь
относится к наличию на Алае скорченных погребенных. При этом некоторые из них от-
мечены в коллективных захоронениях в грунтовых ямах, где остальные погребенные
были уложены в вытянутом положении (мог. Кара-Швак, к. 7, Шарт I, к. 16) [Бернштам,
1952: 198–200; Заднепровский, 1960: 77, рис. 39; Ташбаева, 2011: 122–123].

Показательно, что в сакских памятниках Восточного Памира также имеется не-
большое количество индивидуальных и коллективных захоронений, в которых ко-
стяки погребенных уложены в вытянутом положении, но головой на восток и юго-во-
сток (мог. Памирская I, к. 11 и 12, Ранкуль I, к. 1–4, Тегермансу I, к. 8 и др.) [Литвин-
ский, 1972: 21, 23, табл. 70, 72]. А также отмечены случаи, когда один из погребенных
был уложен в вытянутой позиции, а остальные — в характерной для сакской культуры
Восточного Памира скорченной позе (мог. Харгуш II, к. 5) [Литвинский, 1972: 24, табл.
77, II]. А в кургане 7 мог. Памирская I зафиксировано двухъярусное захоронение, в ко-
тором погребенные были уложены вытянуто на спине, хотя у нижнего слегка были со-
гнуты ноги. При этом погребенный был ориентирован головой на восток, а нижний
косяк — на запад, что было типично для погребальной обрядности Алая [Бернштам,
1952: 289, 291, рис. 124, 125].

Во всех отмеченных случаях наблюдается переплетение похоронных традиций Алая
и Памира. Даже если погребенного укладывали в позу, типичную для соседнего региона,
то очень часто ориентировали его головой в соответствии с местным вариантом погреб-
альной обрядности. Поэтому на Алае захороненные в скорченной позе почти всегда
обращены головами на запад, а на Памире, наоборот, погребенные в вытянутой пози-
ции — на восток. Кроме того, в последнем районе отмечено заметное количество по-

¹ Географически представляет собой нижнее течение реки Кызыл-Суу — основной водной артерии
Алайской долины.

гребений, где костяки были уложены в полускорченном положении, в чем также можно усмотреть подобное сложное взаимовлияние похоронной обрядности. При этом все отмеченные захоронения датируются V–III вв. до н. э., что указывает на длительное и устойчивое существование этнокультурных отношений между Алаем и Памиром в сакское время. Это полностью подтверждается антропологическими данными, которые констатируют устойчивые этногенетические связи между этими районами, которые, по-видимому, осуществлялись в виде постоянных брачных контактов [Гинзбург, Трофимова, 1972: 135; Ходжайов, Ходжайова, 2015: 83–84; Китов, Тур, Иванов, 2019: 132–133, 140–141, 152–153].

Помимо погребальной обрядности, между Алаем и Памиром прослеживается значительное сходство в целом ряде категорий материальной культуры — лепной керамической посуде, предметах вооружения, украшениях.

Но в то же время наличие расписной и станковой керамической посуды в ряде погребальных памятников Алая указывает на существование культурных контактов с эйлатано-актамской культурой Ферганской долины.

Существование тесных контактов с этим сопредельным районом подтверждается также раскопками крупного могильника Дашти-Ашт в юго-западной части Ферганы. В нем были отмечены типичные для Алая коллективные погребения в грунтовых могилах под небольшими каменными курганами, а также изредка в наземных каменных конструкциях. Прослеживается также значительное сходство в ряде категорий материальной культуры. Но керамическая посуда из данного могильника была преимущественно местного ферганского происхождения и лишь небольшая ее часть имела характерный кочевнический облик, находящий аналогии в том числе и на Алае [Салтовская, 1972: 48–59; 1975: 36–39, рис. 9–12; 1978: 98].

Создается впечатление, что какая-то группа скотоводческого населения, близкородственная сакам Алая, еще с рубежа VI–V вв. до н. э. занимает северо-западную, полупустынную предгорную зону Ферганы, пригодную для ведения кочевого скотоводства, в отличие от районов, занятых земледельческим населением эйлатано-актамской группы. Причем кочевники, оставившие могильник Дашти-Ашт, поддерживали с алайскими саками тесные контакты, и культурные расхождения между ними начинаются уже после установления близких этнокультурных взаимосвязей с Восточным Памиром, на что указывает наличие в Дашти-Аште характерных скорченных погребений. А учитывая, что на Алае пока что не известны сакские памятники древнее VI в. до н. э., то миграция дашти-аштцев происходит не раньше второй половины этого же столетия. На это также указывает и материал из данного могильника, который в целом укладывается в период с конца VI по III в. до н. э.

С земледельческой эйлатано-актамской культурой Ферганской долины кочевники Алая также имели тесные отношения. Так, в погребальных памятниках данной культуры отмечены захоронения на уровне древней поверхности [Горбунова, 1962: 94–97; 1969: 81]. Впрочем, здесь в заметном количестве они отмечены только в могильнике Кунгай в юго-восточной части долины, т. е. напрямую прилегающей к Алаю. Однако подобные захоронения в указанном некрополе часто совершены в так называемых «длинных» курганах, представляющих собой ряд пристроенных вплотную погребаль-

ных объектов, которые были характерны для Ферганы в VI–IV вв. до н. э. Но некоторая их часть была совершена под индивидуальными могильными сооружениями [Горбунова, 1961: 171–188].

В целом, захоронения на уровне древней поверхности в Фергане близки алайским, в том числе в том, что они часто совершались здесь также под каменными склепоподобными конструкциями, которые после обрушения приобретали вид каменной насыпи. Но все же между захоронениями рассматриваемого типа в этих двух районах прослеживается принципиальное различие. Так, в Фергане они часто совершались в «длинных» курганах, не типичных Алая. В последнем районе они, как правило, располагались под индивидуальными погребальными объектами, хотя и отмечены случаи, когда они сопутствовали грунтовым ямам или каменным ящикам [Ташбаева, 2011: 127]. Это указывает на то, что, скорее всего, первоначально истоки данного типа погребальной обрядности были общими, и лишь позднее единая традиция разделилась по локальному признаку и приобрела характерную местную специфику в каждом из двух рассматриваемых районов.

Встречены на Алае и захоронения типично ферганского происхождения. В могильнике Чак погребальные объекты 28, 29, 30, представляющие две овальные и одну округлую каменные выкладки, были расположены практически вплотную друг другу по линии север — юг [Заднепровский, 1960: 70, 72, рис. 31] (см. рис. 3.-4). Фактически они образовывали характерный для эйлатано-актамской культуры «длинный» курган [Гамбург, Горбунова, 1957: 79–82; Заднепровский, 1960: 80; Горбунова, 1961: 170; 1962: 95]. Это дает основания утверждать об ограниченном проникновении собственно древнеферганского населения на Алай.

Определенное сходство погребальных памятников Алая и Ферганы позволило Н. Г. Горбуновой высказать мнение о том, что в культурном отношении «... ферганские, или, вернее, фергано-алайские памятники образуют отдельную группу», т. е. она отнесла их к двум вариантам одной археологической культуры [Gorbunova, 1986: 54]. Но в то же время нет оснований напрямую связывать кочевническую культуру Алая с земледельческой эйлатано-актамской и объединять их в единую общность. При всем определенном сходстве погребальной обрядности этих двух культур обнаруживается существенное различие в основных ее элементах. Так, для Алая совершенно не характерны «длинные курганы», известные здесь в единичном случае. Коллективные захоронения в грунтовых ямах также совершились неодинаково: в Фергане при последующем подзахоронении костяки ранее погребенных часто сдвигались, в то время как на Алае умершие укладывались преимущественно ярусами. Все это свидетельствует о том, что сакская культура Алая и эйлатано-актамская культура Ферганы носят самостоятельный характер, хотя на заре их формирования в этом процессе приняли участие отдельные родственные группы населения.

Все приведенные данные указывают на теснейшие культурные и этнические взаимосвязи древних кочевников Алая с соседними регионами, особенно с Восточным Припамирьем и Северо-Западной Ферганой. Это выразилось в синкретизме погребальных традиций, близости материальной культуры и несомненном существовании инфильтрации населения между этими районами.

Но в то же время данные факторы заметно затрудняют установление границ распространения сакской культуры Алая. Четко выявляется только то, что Алайская долина и прилегающие с севера горные районы Кичи-Алая были ее ядром, хотя, без сомнения, к территории ее распространения можно также отнести прилегающую часть Каратегина. А наличие культурно близких курганных захоронений могильника Джирзанкал дает основания отодвинуть ее границу на юго-восток, что не является чем-то необычным, учитывая существование выхода из Алайской долины через ряд перевалов в юго-западные районы Синьцзяна. С юга сакская культура Алая граничит по отрогам Заалайского хребта с культурой саков Памира, а с севера — с земледельческими эйлатано-актамской и позднее — ранней шурабашатской культурами Ферганы.

При этом наличие очень близкого культурно кочевого населения в Северо-Западной Фергане ставит вопрос о существовании там своеобразного «островка», тесно связанного генетически с саками Алая. Фактически номады, оставившие после себя могильник Дашти-Ашт, занимают в культурном плане промежуточное положение между алайскими саками и населением эйлатано-актамской культуры Ферганы, причем с большим тяготением к первым. По-видимому, исторические их судьбы с первой группой населения разошлись достаточно рано, что при определенном уровне сохранения связей между этими двумя районами также способствовало накоплению культурных различий на локальном уровне. Поэтому выяснение причин и обстоятельств возникновения феномена дашти-аштской группы погребений — дело будущих научных изысканий.

Итак, на наш взгляд, в настоящее время есть все основания выделить особую сакскую культуру Алая, которая имеет свои яркие специфические особенности и заметно отличается от соседних кочевнических и земледельческих культур Средней Азии и Синьцзяна.

Проблема происхождения сакской культуры Алая

Процесс раннего становления данной культуры во многом туманен по причине того, что вплоть до настоящего времени практически не известны памятники, которые бы непосредственно предшествовали бы появлению на Алае ее носителей. В последние годы здесь открыто некоторое количество захоронений (могильник Боз-Баш), которые по своему облику очень близки к погребальным памятникам вахшской культуры на территории Таджикистана. А наличие на Кичи-Алае¹, а также в соседних Фергане, на Памире и в прилегающих районах Синьцзяна памятников андроновского культурного круга, то очень вероятно их наличие также в Алайской долине. Но отмеченные памятники вахшского и андроновского культурного круга и сакскую культуру разделяет более полутысячи лет, если учесть, что самые ранние курганные могильники саков здесь могут датироваться по крайней мере не ранее первой половины VI в. до н. э. Поэтому создается впечатление, что на рубеже финальной бронзы и раннего железного века территория Алая была сравнительно слабо обжита, а каких-либо памятников этого хронологического периода здесь пока что не отмечено.

¹ В данном районе отмечены отдельные погребальные памятники андроновского культурного круга, однако они не получили отражения в научной литературе.

По-видимому, горные районы Алая использовались окрестными группами населения преимущественно в качестве сезонных пастбищ, но полностью ими не обживались. В качестве наиболее вероятных обладателей этих пастбищ можно считать носителей чувтской культуры, основная территория которой располагалась в центральной и восточной частях Ферганской долины, т. е. в непосредственной близости к высокогорным пастбищам Алая. Хотя чувтская культура и была оседло-земледельческой по своему облику, но скотоводство в ее хозяйстве также играло заметную роль. Причем, согласно данным по двум крупнейшим поселениям данной культуры — Чусту и Дальверзину — мелкий рогатый скот составлял в них 43,8 и 47,7% стада соответственно. По этому, не свойственному культурам земледельческого типа, показателю чувтская культура приближается к другим скотоводческим культурам степной части Евразии эпохи поздней бронзы [Заднепровский, 1962: 77–80, табл. 5, 6]. Однако содержание столь значительного количества овец и коз в условиях Ферганской долины крайне проблематично. Поэтому данное обстоятельство недвусмысленно указывает на то, что носители чувтской культуры использовали для их содержания довольно обширные пастбища, которые могли находиться как раз в высокогорных районах Алая, к которым напрямую примыкает Фергана с северо-запада.

Поэтому непосредственным субстратным населением, которое в той или иной мере могло принять участие в формировании сакской культуры Алая, могло выступить позднее чувтское, связанное с сезонным отгонным выпасом скота в данных высокогорных районах. Поэтому, скорее всего, это были жители юго-восточной периферии Ферганской долины.

Само же сложение культуры саков Алая происходит в результате мощной миграционной волны скотоводческого населения, шедшей с северо-востока на рубеже VIII–VII вв. до н. э.¹ Пройдя территорию Тянь-Шаня, она не могла напрямую проникнуть на Алай, миновав территорию Ферганской долины. Так как отроги Ферганского хребта практически полностью изолируют Алай с северо-востока, то удобных перевалов для перехода больших масс людей там попросту нет. Поэтому, вторгнувшись в Фергану, данная миграционная волна способствует упадку чувтской культуры [Заднепровский, 1962: 171] и накладывается на местное постбронзовое население. Собственно это событие запускает процессы формирования сакской культуры Алая, как, впрочем, и соседней земледельческой эйлатано-актамской культуры Ферганы, которые, по-видимому, формировались на сходных в этнокультурном плане компонентах, но все же в различных пропорциях. В случае с будущей сакской культурой Алая там полностью возобладали пришлый скотоводческий элемент.

Но учитывая, что памятников сакской культуры на Алае ранее VI в. до н. э. там не отмечено, то начальный этап ее сложения был, по-видимому, связан с территорией Ферганской долины, скорее всего, непосредственно прилегающей к Алаю. Постепенно груп-

¹ По имеющимся данным предполагается, что данная масштабная миграционная волна, первоначальный импульс которой образовался, вероятнее всего, в Восточном Казахстане и сопредельных районах, достигает Притяньшанья, а уже оттуда через Ферганскую долину вдоль течения Сырдарьи достигает Восточного Приаралья и затухает. На всем движении данных групп населения возникают близкие культуры сакского облика, характеризующиеся также сходным смешанным антропологическим обликом, который при доминировании европеоидной основы обладает некоторой монголоидной примесью (подробнее см. [Китов, Тур, Иванов, 2019: 151–157]).

па носителей сакской культуры, для которых скотоводческое хозяйство продолжает играть основную роль, смещается в соседние высокогорные районы и вступает вскоре в тесные этнокультурные контакты с сакским населением Памира и, возможно, прилегающего юго-западного района Синьцзяна.

На то, что в сложении будущего сакского населения Алая принимала участие часть позднебронзового населения Ферганской долины, связанная своим происхождением с чувской культурой, указывает ряд культурных особенностей, сохранившихся в погребальной обрядности. В частности, уже в могильниках Вуадиль и Дахана отмечены каменные ящики и грунтовые могилы, стенки которых обложены плоскими камнями [Гамбург, Горбунова, 1956: 86–90; Литвинский, 1960: 47–49]. Поэтому данная особенность, отмеченная в погребальных памятниках как Алая, так и соседней Ферганы в раннем железном веке, по-видимому, сохраняется в них как реликт эпохи поздней бронзы и имеет, скорее всего, местное происхождение. Но все основные особенности похоронного обряда сакская культура Алая все же сохранила от пришлового скотоводческого населения (как и эйлтанско-актамская культура Ферганы, но в меньшей мере). Поэтому ее погребальные памятники находят столь много параллелей в I тыс. до н. э. на Тянь-Шане, в Семиречье и Южном Казахстане, где в этот момент существовала родственная сакская культура Притяньшанья [Иванов, 2018а: 11–12], в формировании которой решающую роль также сыграла миграционная волна с северо-востока, притом в еще большей мере, нежели на Алае.

Заключение

Таким образом, формирование сакской культуры Алая происходило преимущественно на основе продвинувшихся на территорию Ферганы групп скотоводческого населения, которые наложились на местное субстратное население, связанное своим происхождением с чувской культурой. В результате этого, по-видимому, в юго-восточной части этой долины на данной основе оформляется новая этнокультурная группа скотоводческого населения, которая к началу VI в. до н. э. смещается в высокогорные районы Алая, что в итоге приводит к окончательной «кристаллизации» культурной специфики локальной сакской культуры. Вскоре ее носители устанавливают тесные этнокультурные взаимосвязи с соседним сакским населением Памира и прилегающей части Синьцзяна. Это привносит некоторые новые черты в антропологический облик саков Алая, но в то же время их культура переживает стабилизацию и затем не претерпевает существенных изменений вплоть до прекращения своего существования к II в. до н. э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абетеков А. К. Полевой отчет Алайского археологического отряда за 1967–1968 гг. // Архив отчетов Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР (б. н.). Фрунзе, 1969. 101 с.

Баруздин Ю. Д. Археологические исследования в Алайской долине в 1961 г. // Архив отчетов Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР (б. н.). Фрунзе, 1962. 31 с.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая (Материалы и исследования по археологии СССР. № 26). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 345 с.

Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 63. 1956. С. 85–93.

Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Ак-Тамский могильник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 69. 1957. С. 78–90.

Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М. : Наука, 1972. 370 с.

Горбунова Н. Г. Кунгайский могильник // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 171–194.

Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 5. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 91–122.

Горбунова Н. Г. Суфанский могильник // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 11. Л. : Сов. художник, 1969. С. 72–91.

Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.). Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1960. 176 с.

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 118). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 328 с.

Заднепровский Ю. А. Погребальные памятники эйлатанской культуры Ферганы // Краткие сообщения Института археологии. 1990. № 199. С. 87–95.

Заднепровский Ю. А. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 87–95.

Иванов С. С. К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 2. Бишкек : Илим, 2007. С. 64–70.

Иванов С. С. К основным этапам этнополитической истории саков-хаумаварга // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 8: История. С. 9–19.

Иванов С. С. Культура саков Притяньшанья: современное состояние и важнейшие проблемы исследования // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 7. М., 2018а. С. 11–23.

Кисель В. А., Торгоев А. И., Жумабаев А. Т. Воинские погребения сакского времени в Чон-Алае // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I: Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб. : ИИМК РАН, 2019. С. 264–265.

Китов Е. П., Тур С. С., Иванов С. С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII — первая половина II в. до н. э.). Алматы : Хикари, 2019. 300 с.

Литвинский Б. А. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 80. 1960. С. 47–52.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «крыши мира». М. : Наука. 1972. 270 с.

Мандельштам А. М. К археологии Каратегина // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 80. 1960. С. 76–79.

Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М. : Наука, 1988. С. 156–189.

Салтовская Е. Д. О раскопках могильника VI–IV вв. до н. э. в Северо-Западной Фергане // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 11. Душанбе, 1972. С. 48–60.

Салтовская Е. Д. Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках» // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л. : Наука, 1975. С. 36–39.

Салтовская Е. Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 154. 1978. С. 95–99.

Ташбаева К. И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек : Илим, 2011. 274 с.

Ходжайов Т. К., Ходжайова Г. К. К проблеме формирования антропологического состава киргизов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 82–91.

Чэнь Гэ. Бамиэр гаююань гуму (Древние могилы Памирского высокогорья) // Новые материалы по археологии Синьцзяна (1979–1989). Урумчи : Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1990. С. 159–175. (на кит. яз.).

Gorbunova N. G. The Culture of Ancient Ferghana VI century BC–VI century AD. BAR International Series. № 281. Oxford, 1986. 365 p. (in English).

Wu Xinhua, Tang Zihua. Jirzankal cemetery covered with rows of black-and-white stones: key excavations and primary research // Eurasian Studies. Vol. IV. 2016. P. 5–82 (in English).

REFERENCES

Abetkov A. K. *Polevoi otchet Alaiskogo arkheologicheskogo otriada za 1967–1968 gg.* [Field report of Alai archaeological detachment in 1967–1969]. The archive of reports of Institute of history, archaeology and ethnology named after B. Dzhamgerchinov of National Academy of science (no number). Frunze, 1969, 101 s. (in Russian).

Baruzdin Yu. D. *Arkheologicheskie issledovaniia v Alaiskoi doline v 1961 g.* [Arhaeological investigations in Alai valley in 1961]. (no number). The archive of reports of Institute of history, archaeology and ethnology named after B. Dzhamgerchinov of National Academy of science. Frunze, 1962, 31 s. (in Russian).

Bernshtam A. N. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian' — Shania i Pamiro-Alaia* (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, № 26) [The historical and archeological essays of Central Tien Shan and Pamir-Alai (Materials and investigations on the archaeology of USSR, № 26)]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1952, 345 s. (in Russian).

Gamburg B. Z., Gorbunova N. G. *Mogil'nik epokhi bronzy v Ferganskoi doline* [Burial ground of Bronze Age in Fergana valley]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of Institute of history of material culture]. Vyp. 63, 1956. S. 85–93 (in Russian).

Gamburg B. Z., Gorbunova N. G. *Ak-Tamskii mogil'nik* [Ak-Tam burial ground]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of Institute of history of material culture]. Issue 69, 1957. P. 78–90. (in Russian).

Ginzburg V. V., Trofimova T. A. *Paleoantropologiia Srednei Azii* [Paleoanthropology of Central Asia]. Moscow: Nauka, 1972/ 370 s. (in Russian).

Gorbunova N. G. *Kungaiskii mogil'nik* [Kungai burial ground]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological digest of the State Hermitage]. Issue 3, Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 1961 (in Russian). 171–194 (in Russian).

Gorbunova N. G. Kul'tura Fergany v epokhu rannego zheleza [Culture of Fergana in Early Iron Age]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological digest of the State Hermitage]. Issue 5. Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 1962. S. 91–122 (in Russian).

Gorbunova N. G. Sufanskii mogil'nik [Sufan burial ground]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological digest of the State Hermitage]. Issue 11. Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 1969. S. 72–91.

Zadneprovskii Iu. A. *Arkheologicheskie pamiatniki iuzhnykh raionov Oshskoi oblasti (seredina I tysiacheletia do n. e. — seredina I tysiacheletia n. e.)* [Archaeological monuments of the south part of Osh province (middle of I milleniom BC — middle of I millennium AD)]. Frunze: AN KirgSSR Publ., 1960. 176 s. (in Russian).

Zadneprovskii Iu. A. *Drevnezemledel'cheskaia kul'tura Fergany*. (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, № 118) [The ancient agricultural culture of Fergana (Materials and investigations on the archaeology of USSR, № 118)]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1962, 328 s. (in Russian).

Zadneprovskii Iu. A. Pogrebal'nye pamiatniki eilatanskoj kul'tury Fergany [The funeral monuments of Eilatan culture of Fergana]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief reports of Institute of Archaeology]. 1990, № 199. S. 87–95 (in Russian).

Zadneprovskii Iu. A. Rannie kochevniki Ketmen' — Tiube, Fergany i Alaia [The ancient nomads of Ketmen-Tyube, Fergana and Alai]. *Stepnaia polosna aziatskoj chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia* [Steppe belt of Asian part of USSR in Scythian-Sarmatian epoch]. Moscow: Nauka, 1992. S. 87–95 (in Russian).

Ivanov S. S. K voprosu o zazhimnykh bronzovykh nakonechnikakh strel [On a question of clipped bronze arrowheads]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and investigations on archeology of Kyrgyzstan]. Issue 2. Bishkek: Ilim, 2007. S. 64–70 (in Russian).

Ivanov S. S. K osnovnym etapam etnopoliticheskoi istorii sakov-khaumavarga [On the general stages of ethno-political history of Saka Haomavarga] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University]. Seriya Istoriia, filologija. 2018. T. 17. № 8: Istoriia. S. 9–19 (in Russian).

Ivanov S. S. Kul'tura sakov Pritian'shan'ia: sovremennoe sostoianie i vazhneishie problemy issledovaniia [Saka culture of Tien Shan region: current state and general problem of study]. *Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury* [Scripta antiqua. Questions of ancient history, philology, art and material culture]. Vol. 7. Moscow, 2018a. S. 11–23 (in Russian).

Kisel' V. A., Torgoev A. I., Zhumabaev A. T. Voinskie pogrebeniia saksogo vremeni v Chon-Alae [Warriors burials of Saka period in Chong Alai mountains]. *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v kontekste sviazei i vzaimodeistvii v evraziiskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii)*. T. I. *Drevniaia Tsentral'naia Aziia v kontekste evraziiskogo kul'turnogo prostranstva (novye dannye i kontseptsii)* [The antiquities of Eastern Europe, Central Asia and South Siberia in the context of interactions in Eurasian cultural space (new data and conceptions). Vol.1. Ancient Central Asia in the context of Eurasian cultural space (new data and conceptions)]. Saint Petersburg: IIMK RAN, 2019. S. 264–265 (in Russian).

Kitov E. P., Tur S. S., Ivanov S. S. *Paleoantropologiya sakskikh kul'tur Pritian'shan'ia (VIII — pervaiia polovina II v. do n. e.)* [Paleoanthropology of Saka cultures of Tien Shan region (VII — early half of II centuries BC)]. Almaty: Khikari, 2019, 300 s. (in Russian).

Litvinskii B. A. Dakhaninskii mogil'nik epokhi bronzy v Zapadnoi Fergane [Dakhana burial ground of Bronze Age in Western Fergana]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of Institute of history of material culture]. Issue 80, 1960. S. 47–52 (in Russian).

Litvinskii B. A. *Drevnie kochevniki "kryshi mira"* [Ancient nomads of the "Roof of the World"]. Moscow: Nauka, 1972, 270 s. (in Russian).

Mandel'shtam A. M. K arkheologii Karategina [On the archaeology of Karategin]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of Institute of history of material culture Issue 80, 1960. S. 76–79 (in Russian).

Pogrebova M. N., Raevskii D. S. Rannii zheleznyi vek [Early Iron Age]. *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. Ocherki istorii* [Eastern Turkestan in Antiquity and early Middle Ages. Essays of history]. Moscow: Nauka, 1988. S. 156–189 (in Russian).

Saltovskaia E. D. O raskopkakh mogil'nika VI–IV vv. do n. e. v Severo-Zapadnoi Fergane [On the excavations of burial ground of VI–IV centuries BC in North-Western Fergana]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. Issue 11, Dushanbe, 1972. S. 48–60 (in Russian).

Saltovskaia E. D. Nekotorye novye materialy o «ferganskikh kochevnikakh [Some new materials about Fergana nomads]. *Uspekhi sredneaziatskoi arkheologii* [The success of archaeology of Central Asia]. Issue 3. Leningrad: Nauka, 1975. S. 36–39. (in Russian).

Saltovskaia E. D. O pogrebeniiakh rannikh skotovodov v Severo-Zapadnoi Fergane [On the burials of ancient herders in North-Western Fergana]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief reports of Institute of Archaeology]. Issue 154, 1978. S. 95–99 (in Russian).

Tashbaeva K. I. *Kul'tura rannikh kochevnikov Tian' — Shania i Alaia* [The culture of ancient nomads of Tien Shan and Alai]. Bishkek: Ilim, 2011, 274 s. (in Russian).

Khodzhaiov T. K., Khodzhaiova G. K. K probleme formirovaniia antropologicheskogo sostava kirgizov [On the problem of formation of anthropological composition of Kyrgyz people]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. 2015, № 3 (30). S. 82–91 (in Russian).

Chen Ge. Bamier gaoiuan gumu [The ancient burials of Pamir highland]. *The new materials on the Xinjiang archaeology (1979–1989)*. Urumchi: Sin'tszian zhen'min» chuban'she, 1990. S. 159–175 (in Chinese).

Gorbunova N. G. The Culture of Ancient Ferghana VI century BC–VI century AD. BAR International Series. № 281. Oxford, 1986/ 365 p.

Wu Xinhua, Tang Zihua. Jirzankal cemetery covered with rows of black-and-white stones: key excavations and primary research. *Eurasian Studies*. Vol. IV. 2016. P. 5–82.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2021.

Принята к публикации 10.03.2022.

Дата публикации 30.06.2022.